

Теодор Шанин,
профессор Манчестерского университета,
Великобритания,
ректор МВШСЭН

Пять замечаний

Я ограничусь несколькими замечаниями, сыграв роль "западного эксперта".

1. Часто приходится слышать мнение, что центральная причина многих неудач государственной политики развития России — это принимаемые "вслепую" советы американских специалистов, базирующиеся на практике Латинской Америки, принимаемой в качестве модели. В этом есть несомненная доля истины, но я бы добавил следующее соображение. Важной причиной расхождения планов и результатов было то, что решение вопроса "что делать?" практически монополично было передано в руки экономистов. Именно они объясняли и политикам России, и ее населению "что есть что". Между тем не только российским политикам и российскому населению, но и самим экономистам — западным и российским — нужен был социологический ликбез, который изменил бы и серьезно обогатил как понимание периода, о котором мы говорим, так и политические решения. Нехватка его сильно чувствуется во всем, что произошло, когда хотели как лучше, но понимали как всегда.

Конечно, есть экономисты, которых всегда интересовала проблематика политической экономии в целом, например, такие, как Отто Лацис. И они не нуждались в подобных ликбезах. Но именно к их

---

¹ См.: *Яковенко И.Г.* Российское государство: Национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

мнению иностранные эксперты и местные политики не очень-то прислушивались. И, к сожалению, также не они играют решающую роль в подготовке молодого поколения и экономистов, и политических деятелей.

2. Т.И.Заславская предложила нам следующие три вопроса, являющиеся центральными в обсуждаемой проблематике: "куда пришла Россия?"; "как она прошла этот путь?"; "как оценить то, что произошло и происходит?". Я с такой постановкой вопросов согласен, но хотел бы дополнительно предложить четвертый вопрос, который напрашивается, когда сравниваешь развитие России и Западной Европы, и который практически не возникает, если рассматривать развитие только России в последнем десятилетии. Это вопрос о "двух капитализмах": с одной стороны, капитализме "чистом" (если хотите, жестком и впрямь "латиноамериканском", хотя он релевантен не всем странам Латинской Америки и не только там), который можно также назвать "примитивным" или "пиратским", а с другой — о "социально-демократической" модели государства ("государстве благоденствия" или "социальном государстве"). Борьба между этими двумя моделями капитализма идет и будет продолжаться. За последние 100 лет эта схватка — как идейная, так и политическая — была важнейшей движущей силой развития стран Западной и Центральной Европы (конечно, если говорить о реальных формах, а не о том, что могло бы быть, или о том, что происходило в странах так называемого "социалистического" лагеря).

В течение последних 100 лет, имея в виду эти две модели, мировое развитие претерпело множество различных зигзагов. И, думаю, так будет и дальше. Позиции "пусть выживают сильные", которую современные англичане ассоциируют с М.Тэтчер, противостоит здесь позиция II Интернационала, согласно которой не может быть политического равенства без "выравнивания" экономического. Конфликт по этим позициям в России виден в меньшей степени, но я думаю, что он будет проявляться здесь все больше и больше. Я вполне согласен с Андреем Клепачем, что в более далеком будущем именно это станет центральной линией разделения, главным конфликтом в вопросах развития России.

3. В.А.Ядов, говоря о сохраняющемся "синдроме великодержавия", в качестве примера привел Великобританию. Я начал преподавать в университете Шеффилда спустя 15 лет после начала распада империи, т.е. через примерно такой же промежуток времени, как тот, что отделяет нынешнюю Россию от СССР. И мне не встретился тогда ни один студент, которому бы нравилось имперское прошлое, который бы чувствовал особую ностальгию и тянулся к нему. Причин тому, мне кажется, две.

Во-первых, политика, проводимая "государством благоденствия", сменившим имперскую эпоху, оказала благотворное влияние

на развитие страны. В течение этих 15 лет, но уже и после пяти, английский народ начал жить гораздо лучше, чем во времена империи и колониального строя. Поэтому ощущение, что "нам плохо потому, что мы потеряли империю", в Англии просто не могло возникнуть, ведь англичане стали жить лучше после того, как рухнула империя. Но в России иная ситуация, и ей, по мнению В.А.Ядова, до сих пор присущи имперский синдром и ностальгия. Мне кажется, это связано с падением жизненного уровня и, что не менее важно, с представлением о наличии "виновных" в его падении. А поиск "виновного" приводит к выводу, что "виноват" распад империи и те, кто его поддержал.

Во-вторых, на мой взгляд, в вопросах ностальгического национализма огромную роль играет позиция интеллигенции каждой страны. Англичане определили бы этот слой не как интеллигенцию, а как интеллектуалов, и немного по-другому видели бы его границы. Важнее то, что в Англии "интеллектуалы" почти на 100% поддерживали ликвидацию империи. В России же, как мне кажется, реакцией на исчезновение империи стал откат многих на интеллигенции в национализм, что особо ярко выразилось в отношении к войне в Чечне. В российской истории такое бывало. Хочу, например, напомнить тем, кто забыл поэму "Хулителям России", т.е. как А.Пушкин оценил войну против своих друзей-поляков, которые боролись за независимость. А ведь нельзя поставить под сомнение его симпатию к российским декабристам.

4. Феномен, характерный для России, — это "государственный гипноз". Суть его состоит в подмене *реальных интересов* и взглядов массовых групп тем, как их понимает узкая верхушка госбюрократии, само слово которой "государственно", по определению. А государство свято, и "воля государства", т.е. очень небольшой и практически бесконтрольной группы людей, обязывает всех к определенному поведению под угрозой внешнего и внутреннего (т.е. в сознании самого человека) обвинения в измене.

В том же духе здесь говорилось, что парламентарная демократия не срабатывает, поскольку фактически после проведения очередных выборов устанавливается диктатура на четыре года. Это не так. Демократия — это не только то, что происходит в государстве в целом, но и тот факт, что в каждом селе и городе Англии нельзя, не учитывая интересов населения, делать просто то, чего хотят "власти". Если они начнут вдруг проводить тоннель не там, где этого хотят жители, ломать их деревья, строить не так, как те хотели бы, и т.д., то встретят эффективное сопротивление, включая физическое воздействие, когда люди ложатся на шпалы. Важнее этого, конечно, сугубо политическое действие, которое, хотя и не всегда, но часто приводит к нужному эффекту.

5. И, наконец, последнее замечание. Здесь несколько раз ставился вопрос о том, какова нужная мера участия интеллигенции в

функционировании власти, о тех советах, которые она должна (или не должна) давать правительству. Опять же, исходя из практики Англии, хотел бы предложить такой ответ: нет ничего плохого в том, чтобы давать советы "властям". Но необходимо помнить, что большая часть этих советов не принимается и не выполняется. Важнее же всего — не захотеть настолько сильно приобщиться к власти, чтобы забыть свои обязанности как ученого. Первая обязанность ученого — это не давать советы, а говорить правду, определять эту правду, представлять и защищать эту правду, даже если властям она не нравится. А если кто-то из политиков прислушается к сказанному ими, то это будет свидетельствовать о его неординарном уме и способности воспринимать критические соображения тех, для кого правдивая, т.е. критическая оценка действительности является делом чести и смыслом их профессиональной жизни.